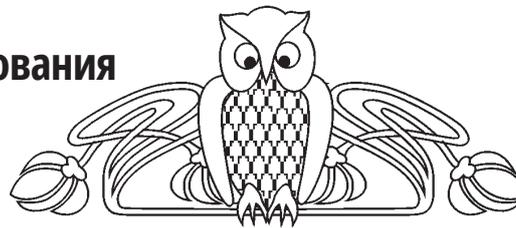

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12, вып. 2 (46). С. 185–191
Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2023, vol. 12, iss. 2 (46), pp. 185–191
<https://akmepsy.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-2-185-191>, EDN: ABNWBG

Научная статья
УДК 378.005

Современные модели женского образования в России и Казахстане

Л. В. Горина ✉, М. Тасеменова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Горина Любовь Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра методологии образования, lvgorina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1041-4701>

Тасеменова Мария, аспирант, кафедра методологии образования, www.marika95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2224-9520>

Аннотация. *Актуальность* работы обусловлена необходимостью реализации прав женщин в получении высшего и послевузовского образования и самореализации в профессиональной сфере, а также сохранения доступа женщин к качественному высшему и послевузовскому образованию на основе единого образовательного пространства России и Казахстана. *Цель:* выявление преимуществ и недостатков моделей женского образования в Казахстане и России. Предпринята попытка частично восполнить историографический пробел на основе сопоставительного анализа моделей образования для женщин в России и Казахстане. *Результаты.* На основе анализа статистических данных выявлены доли мужчин и женщин, имеющих вузовское и послевузовское образование, в России и Казахстане. Предлагается рассматривать модели женского образования в России и Казахстане как системы, включающие в себя пять основных элементов – вход в систему высшего образования, финансовые возможности для обучения, возможность послевузовского образования, уровень интеграции обучения и производства, спектр возможностей последующего трудоустройства женщин с высшим и послевузовским образованием. Определен ряд препятствий неюридического, неформального характера для получения женщинами высшего образования в Республике Казахстан. Установлено, что около половины занятых казахстанских женщин, имеющих высшее образование, проходили обучение в российских вузах. Рассмотрены возможности трудоустройства, профессиональной самореализации и научной карьеры в отношении женщин, имеющих высшее образование. *Основные выводы:* главным препятствием для развития модели женского образования в Казахстане являются социальные стереотипы о гендерных ролях, проблемы трудоустройства с карьерным ростом для женщин с высшим образованием, конкуренция российских вузов по качеству высшего образования. *Практическая значимость:* предлагается концепция сопоставительного анализа моделей образования разных стран. Материалы могут служить основой для формирования стратегии и политики управления в сфере образования женщин. **Ключевые слова:** гендерное равенство, право на образование, модели женского образования, система высшего образования, Россия, Казахстан

Информация о вкладе каждого автора. Л. В. Горина – методология, концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных, написание текста; М. Тасеменова – сбор и обработка материала, анализ полученных данных, написание текста.

Для цитирования: Горина Л. В., Тасеменова М. Современные модели женского образования в России и Казахстане // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12, вып. 2 (46). С. 185–191. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-2-185-191>, EDN: ABNWBG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Modern models of women's education in Russia and Kazakhstan

L. V. Gorina ✉, M. Tassemenova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Lyubov V. Gorina, lvgorina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1041-4701>

Mariya Tassemenova, www.marika95@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2224-9520>

Abstract. The necessity to realize women's rights in getting higher and postgraduate education and in self-realization in the professional sphere make the study of due *relevance*. Moreover, the relevance is determined by the necessity to maintain women's access to high-quality higher and postgraduate education on the basis of the unified educational space of Russia and Kazakhstan. *The objective* of the study is to

identify the advantages and disadvantages of female education models in Kazakhstan and Russia. An attempt is made to partially fill the historiographical gap on the basis of a comparative analysis of educational models for women in Russia and Kazakhstan. *The results.* Based on the analysis of statistical data, the study has revealed proportions of men and women with university and postgraduate education in Russia and Kazakhstan. It is proposed to consider models of female education in Russia and Kazakhstan as systems that include five main elements: entry into the higher educational system; financial opportunities for getting education; opportunities for getting postgraduate education; the level of education and job integration; the range of opportunities for subsequent employment of women with higher and postgraduate education. A number of obstacles of a non-legal, informal nature have been identified for women to receive higher education in the Republic of Kazakhstan. It has been found that about half of Kazakhstan's employed women with higher education were trained in Russian universities. The paper considers opportunities for women with higher education in field of employment, professional self-realization and scientific career. *The conclusions.* The main problems hindering the development of the female education model in Kazakhstan are social stereotypes about gender roles, problems with employment, with career growth for women with higher education in Kazakhstan, as well as competition of Russian universities in the quality of higher education. *Practical significance.* The study proposes the concept of comparative analysis of educational models of different countries. The materials can serve as a basis for the development of a management policy strategy in the field of female education.

Keywords: gender equality, the right to get education, models of female education, higher education system, Russia, Kazakhstan

Information on the authors' contribution: Lyubov V. Gorina developed the research methodology, the concept and design of the study, analyzed the data obtained, and wrote the text; Mariya Tasemenova collected and processed the material, analyzed the data obtained, and wrote the text.

For citation: Gorina L. V., Tasemenova M. Modern models of female education in Russia and Kazakhstan. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2023, vol. 12, iss. 2 (46), pp. 185–191 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-2-185-191>, EDN: ABNWBG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность проблемы заключается в том, что в современных условиях развития казахстанского общества существует ряд объективных проблем в сфере образования для женской части населения республики. Особенно очевидными данные проблемы становятся при сопоставлении моделей женского образования в России и Казахстане на современном этапе. Право на получение образования закреплено для всех категорий граждан в основных законах как Российской Федерации, так и Казахстана. Так, в ч. 2 ст. 30 Конституции Республики Казахстан сказано, что «граждане имеют право бесплатно получить высшее образование в государственных учебных заведениях на конкурсной основе» [1], т. е. в республике, как и во всех современных странах, в сфере получения образования юридических ограничений по гендерному принципу нет.

Однако эмпирические данные исследований ЮНЕСКО, в том числе проведенных подразделением организации в Казахстане, позволяют говорить о том, что для практической реализации конституционных прав женщин в сфере образования существует целый ряд препятствий неюридического, неформального характера [2]. Этими данными объясняется, почему при наличии численного перевеса женщин над мужским населением (табл. 1) только 47,3% женщин Казахстана имеют высшее образование [3], в то время как в России, по данным за 2022 г., 52% женщин с высшим образованием [4].

Интересно, что в Казахстане, так же как и в России, доля женщин с высшим образованием больше, чем мужчин – 47% занятых женщин имеют высшее и послевузовское образование, в то время как среди мужчин доля высокообразованных людей составляет всего 38,1%. В то же время доля женщин, имеющих среднее

Таблица 1 / Table 1

Соотношение женщин и мужчин, имеющих высшее образование, в России и Казахстане
(по статистическим данным 2022 г.)

The ratio of women and men in Russia and Kazakhstan according to the 2022 statistics

Россия			Казахстан		
Пол	Население, млн чел.	Из них имеют высшее образование, %	Пол	Население, млн чел.	Из них имеют высшее образование, %
Мужчины	67,7	52,7	Мужчины	9,3	48,0
Женщины	77,9	47,3	Женщины	10,1	52,0

профессиональное (специальное) образование, составляет 38,3%, а мужчин – 42% [2]. В России сложилось примерно аналогичное соотношение: высшее образование имеют 52% женщин и 38,7% мужчин [5], среднее профессиональное (специальное) – 34% и 67% соответственно [6].

Такая статистика позволяет говорить о том, что для мужчин получение образования определенного уровня связано как с финансовыми возможностями, так и с выбором конкретных профессий вне сферы высшего образования. Таким образом, соотношение мужчин и женщин, получающих образования, в обеих странах определяют экономические реалии.

С одной стороны, приведенная статистика позволяет заключить, что модели женского образования в обеих странах достаточно эффективны. Однако, согласно статистике ЮНЕСКО, 60% женщин из Казахстана получают высшее образование в России, поскольку в полной мере данное право у себя на родине реализовать не могут [7].

Таким образом, те 47% казахстанских занятых женщин, которые имеют высшее и послевузовское образование, в большинстве своем проходили обучение в российских вузах. В этой связи для более полного понимания проблем реализации права на образование среди женского населения Казахстана представляется особенно актуальным рассмотреть преимущества и недостатки казахстанской и российской моделей женского образования.

Научное состояние проблемы высшего образования женщин в России и Казахстане

Общетеоретические аспекты высшего образования с позиций гендерологии рассмотрены в работах таких авторов, как К. В. Воденко, А. К. Дегтярев [8], Ж. О. Жилбаев [9], И. Е. Калабихина [10], Л. А. Лукинская, В. А. Чупина [11]. Результаты эмпирических исследований по изучаемой теме представлены в работах таких зарубежных авторов, как Л. Э. Бейли [12], М. Carrington, Р. Tymms, С. Merrell [13], С. Cao, Н. Duan, L. L. NG [14], J. Winner [15], W. Yang [16]. В данных исследованиях разработано понятие модели гендерного образования, которое применимо к женскому образованию в России и Казахстане. Так, в современном научном дискурсе под *моделью женского образования* принято понимать «систему образования, которая имеет свободный вход, доступность и возможность пролонгации, с конкретным

потенциалом трудоустройства и востребованности на рынке труда данной гендерной категории населения» [16, с. 359].

Исторический контекст становления женского образования в России рассматривается в исследованиях М. Ю. Вараввы [17], Е. А. Косетченковой [18, 19], А. В. Лубкова, И. В. Литвиновой и М. А. Гончаровой [20], В. Л. Матросова [21]. Историко-культурная эволюция системы образования в Казахстане представлена в работе Л. Я. Шевченко и С. В. Назарова [22].

Проблемы соотношения уровня образования и успешности трудоустройства среди женского населения как в России, так и в Казахстане рассмотрены в работах М. С. Садырова [23], А. А. Симонова, А. В. Швецова [24], Л. И. Тогайбаева, Е. А. Вечкинзова, Д. Х. Байкенова [25].

Тем не менее в большинстве работ, представленных в современном научном дискурсе, не проводится сопоставительный анализ систем образования России и Казахстана с точки зрения возможностей реализации права на образование среди женского населения.

Модели женского образования в России и Казахстане: сопоставительный анализ

С точки зрения организации процесса обучения обе модели женского образования основаны на принципах Болонской системы и включают три ступени – бакалавриат, магистратуру, аспирантуру. При этом система высшего образования в Казахстане, как и в России, подвергается непрерывной модернизации и реформированию. Это связано с экономическими, политическими и социальными изменениями, произошедшими в обеих странах. Необходимость адаптации системы образования к изменяющимся условиям отражено в правовых документах, государственных программах. В рамках долгосрочной стратегии «Казахстан – 2050» образование признано одним из основных приоритетов национальной политики [6].

В последнее десятилетие XX в. качество образования в стране демонстрировало устойчивую тенденцию к снижению. Экономическое развитие вызвало необходимость образовательных реформ [4]. В соответствии с международной классификацией, рекомендованной ЮНЕСКО, с 1999 г. осуществлен переход к новой системе образования [2].

Ряд базовых документов ориентирует казахстанскую систему на доступность и качество образования. Именно на это были нацелены

изменения и дополнения, внесенные в закон «Об образовании» (2007, 2015 гг.) и реализованная «Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы». В 2022 г. завершилась работа в рамках «Национальной экспортной стратегии Республики Казахстан». Основные задачи, поставленные перед системой образования Казахстана, нашли отражение в «Стратегическом плане развития Казахстана», который в настоящее время актуализирован и продлен до 2025 г.

Высшее и послевузовское образование в Казахстане, как и в России, строится в соответствии с требованиями Болонской системы. В Казахстане также действует трехуровневая модель подготовки квалифицированных кадров, включающая программы бакалавриата, магистратуры и аспирантуры на основе системы академических кредитов. На уровне аспирантуры, согласно международному опыту, внедрены постдокторские программы для развития научной карьеры казахстанских ученых [5].

В отличие от российской модели, высшее и послевузовское образование в Казахстане более тесно интегрировано с наукой и промышленностью [23, с. 4]. Однако, по мнению некоторых исследователей, модель образования в России выигрывает по сравнению с Казахстаном за счет более широких возможностей трудоустройства для женщин [23, с. 6].

Согласно данным ЮНЕСКО, в Казахстане, несмотря на высокую интеграцию высшего образования с производством, женщины редко занимают высокие посты в органах государственной власти и в бизнес-структурах [7].

В то же время при слабой связи с производством российская модель дает женщинам более широкий выбор профессиональной самореализации после получения высшего образования [25, с. 1214]. Несмотря на то что стоимость обучения в вузе в среднем в Казахстане в несколько раз ниже, чем в России (165 405 тенге – 21 369.65 рубля для первого высшего образования [23]), спрос на высшее образование среди казахских женщин внутри страны по-прежнему ниже, чем среди женщин в России.

Также, по мнению исследователей, женщины Казахстана подвергаются социальному давлению, основанному на гендерных стереотипах в отношении возраста вступления в брак, который в Казахстане в среднем составляет 18 лет [7]. Женщины России не подвергаются такому давлению общественных стереотипов, а средний возраст вступления в брак составляет

21 год [4], т. е. у женщины есть возможность сначала получить высшее образование, а потом создавать семью, в отличие от ситуации в Казахстане, где решение о вступлении в брак часто принимается не самой женщиной, а ее родителями, родственниками или опекунами [7].

Очевидно, что с точки зрения реализации принципов гендерного равенства в сфере получения образования изменения в системе образования Казахстана являются объективной необходимостью, обусловленной динамикой социально-экономического развития. В соответствии с потребностями рынка труда в стране развивается интегрированная в мировой образовательный рынок гибкая модель непрерывного образования, которая обеспечивает многоуровневую подготовку специалистов.

Исходя из анализа научной литературы предлагается рассматривать модели женского образования в Казахстане и России как системы, включающие 5 основных элементов:

- 1) вход в систему высшего образования;
- 2) финансовые возможности обучения;
- 3) возможность послевузовского образования;
- 4) уровень интеграции обучения и производства;
- 5) спектр возможностей последующего трудоустройства женщин с высшим и послевузовским образованием.

На основании отчетов ЮНЕСКО о гендерной трансформации высшего образования в Казахстане, а также данных Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат) были сопоставлены правовые, социальные и экономические возможности для получения женщинами высшего образования в России и Казахстане согласно пяти выделенным элементам модели женского образования (табл. 2).

Таким образом, преимуществами казахстанской модели являются высокий уровень интеграции высшего образования с производством, что не характерно для российской политики в сфере образования, и низкая стоимость обучения по сравнению с российскими вузами. В то же время явные недостатки модели женского образования в Казахстане – низкий порог брачного возраста (18 лет), что не позволяет женщинам получить образование до создания семьи, и отсутствие гендерного равенства в сфере карьерного роста для женщин с высшим и послевузовским образованием. Недостатками российской модели женского образования являются, несомненно, кредитная схема и вы-

**Сопоставительный анализ преимуществ и недостатков моделей женского образования
в Казахстане и России**

Comparative analysis of the advantages and disadvantages of female education models in Kazakhstan and Russia

Наименование элемента	Текущие характеристики	
	Модель 1 (Россия)	Модель 2 (Казахстан)
Вход в систему	Формально свободный. Право на образование закреплено на законодательном уровне для всех гендерных групп	Формально свободный. Право на образование закреплено на законодательном уровне для всех гендерных групп
Финансовые возможности для обучения	Образовательный кредит, государственная стипендия	Образовательные гранты на высшее образование, государственная стипендия
Возможности послевузовского образования	Открытый доступ для женщин	Открытый доступ для женщин, однако на практике доступ затруднен социальными стереотипами о возрасте вступления в брак
Уровень интеграции образования и производства	Низкий, дисперсия выпускников вузов на рынке труда	Высокий
Возможности трудоустройства с карьерным ростом	Широкий спектр самоопределения в сфере трудоустройства для женщин	Возможности трудоустройства женщин после вуза ограничены неруководящими должностями

Примечание. Составлено авторами по данным ЮНЕСКО.
Note. Compiled by the authors according to UNESCO.

сокая стоимость высшего образования, что для многих женщин делает вход в систему высшего образования недоступным. Недостатком является и низкий уровень интеграции высшего образования в России с производством с самым поздним трудоустройством.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Основными проблемами, препятствующими развитию модели женского образования в Казахстане, являются социальные стереотипы о гендерных ролях, низкий уровень финансовых возможностей для получения высшего образования, конкуренция российских вузов в отношении качества высшего образования.

2. Основная проблема казахстанской модели заключается в узком спектре вакансий для женщин с высшим образованием, что делает ее менее привлекательной, чем российская. При этом в 18 лет казахстанские женщины чаще выходят замуж, чем поступают в вузы. Более того, в таких престижных вузах, как Казахский национальный университет имени аль-Фараби и Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ), крайне мало женщин,

занимающих руководящие должности, что фактически обесценивает престиж модели высшего образования для женщин. Поэтому казахстанские женщины, ориентированные на карьерный рост, предпочитают и получать высшее образование, и трудоустроиться на руководящие должности в России.

Библиографический список

1. Конституция Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 01.02.2023).
2. UNESCO. Global education monitoring report. Gender Report. 2019 Building bridges for gender equality. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000368753> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Countrymeters. Население Казахстана. URL: <https://countrymeters.info/ru/Kazakhstan> (дата обращения: 01.02.2023).
4. Росстат. Образование. Статистика 2022 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education> (дата обращения: 01.02.2023).
5. UNESCO. Global Education Monitoring Report 2020. URL: <https://gem-report-2020.unesco.org/> (дата обращения: 01.02.2023).
6. UNESCO. Global Education Monitoring Report 2021. URL: <https://en.unesco.org/gem-report/taxonomy/term/238> (дата обращения: 01.02.2023).

7. UNESCO. Gender Transformative Education. <https://www.unicef.org/media/113166/file/Gender%20Transformative%20Education.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).
8. Воденко К. В., Дегтярев А. К. Гендерные стереотипы в сфере высшего образования: академическое лидерство как способ нейтрализации социальных рисков // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 72–85. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.6>
9. Жилбаев Ж. О. Кризис образования или «Ищите женщину! – Cherchez la femme!» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5. С. 4–10. EDN: TVPDUV
10. Калабихина И. Е. Рецессия гендерного развития на постсоветском пространстве // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2009. № 3. С. 125–141.
11. Лукинская Л. А., Чупина В. А. Преодоление гендерных противоречий в системе высшего профессионального образования // Образование и наука. 2012. № 1. С. 106–114. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2012-1-106-114>
12. Bailey L. E. Gender and education // Review of Research in Education. 2016. Vol. 40, iss. 1. P. 682–722. <https://doi.org/10.3102/0091732X16680193>
13. Carrington M., Tymms P., Merrell C. Role models, school improvement and the 'gender gap' – do men bring out the best in boys and women the best in girls? // British Educational Research Journal. 2018. Vol. 34, iss. 3. P. 315–327. <https://doi.org/10.1080/01411920701532202>
14. Cao C., Duan H., NG L. L. The impact of gender inequality in higher education on female employment // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. 2023. Vol. 8. P. 2355–2361. <https://doi.org/10.54097/ehss.v8i.4718>
15. Winner J. Gender equality in education and learning // International Humanitarian Bulletin. 2023. Vol. 4. P. 202–234.
16. Yang W. Gender perspective on education process quality // Proceedings of the 3rd International Conference on Education, Culture and Social Development (ICECSD). 2019. Guilin ; Guangxi (China), 2019. P. 358–370. <https://doi.org/10.2991/icecscd-19.2019.46>
17. Варавва М. Ю. Оренбургский Николаевский женский институт во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы образования. 2020. Вып. 4. С. 250–272. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-4-250-272>
18. Косетченкова Е. А. История становления женского профессионального образования в России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2018. 2008, № 4-3 (60). С. 129–136. EDN: KXMQUQD
19. Косетченкова Е. А. Становление системы женского образования в России // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 3. С. 17–26. EDN: JTYBNX
20. Лубков А. В., Литвинова И. В., Гончаров М. А. К методологии изучения истории московских высших женских курсов // Наука и Школа. 2022. № 3. С. 57–70. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-3-57-70>
21. Матросов В. Л. Классическое и педагогическое университетское образование: истоки и традиции взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2009. № 2. С. 52–55. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2009-2-52-55>
22. Шевченко Л. Я., Назарова С. В. Эволюция системы образования Республики Казахстан в условиях глобализации // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2012. № 1. С. 41–48. EDN: OYFZLF
23. Садырова М. С. Ценностные предпочтения и стратегии адаптации выпускников вузов России и Казахстана к современному рынку труда // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 9. С. 2–7. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.9>
24. Симонова А. А., Швецова А. В. Международные женские проекты как фактор формирования гендерной культуры университета // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2019. № 2. С. 157–162.
25. Тогайбаева Л. И., Вечкинзова Е. А., Байкенова Д. Х. Современные тенденции гендерного равенства занятости и бедности в Казахстане // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 12. С. 1202–1216.

References

1. *The Constitution of the Republic of Kazakhstan*. Available at: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (accessed February 01, 2023) (in Russian).
2. UNESCO. *Global Education Monitoring Report. Gender Report. 2019 Building bridges for gender equality*. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000368753> (accessed February 01, 2023).
3. *Countrymeters. Population of Kazakhstan*. Available at: <https://countrymeters.info/ru/Kazakhstan> (accessed February 01, 2023) (in Russian).
4. *Rosstat. Education. Statistiks 2022*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education> (accessed February 01, 2023) (in Russian).
5. UNESCO. *Global Education Monitoring Report 2020*. Available at: <https://gem-report-2020.unesco.org/> (accessed February 01, 2023).
6. UNESCO. *Global Education Monitoring Report 2021*. Available at: <https://en.unesco.org/gem-report/taxonomy/term/238> (accessed February 01, 2023).
7. UNESCO. *Gender Transformative Education*. Available at: <https://www.unicef.org/media/113166/file/Gender%20Transformative%20Education.pdf> (accessed February 01, 2023).
8. Vodenko K. V., Degtyarev A. K. Gender stereotypes in higher education: Academic leadership as a way to neutralize social risks. *Woman in Russian Society*, 2021, no. 3, pp. 72–85 (in Russian). <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.6>

9. Zhilbayev Z. O. Crisis of education or “Look for a woman! Cherchez la femme!”. *Actual problems of the humanities and natural sciences*, 2015, no. 5, pp. 4–10 (in Russian). EDN: TVPDUV
10. Kalabikhina I. E. The recession of gender development in the post-Soviet space. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2009, no. 3, pp. 125–141 (in Russian).
11. Lukinskaya L. A., Chupina V. A. Overcoming gender contradictions in the system of higher vocational training. *The Education and Science Journal*, 2021, no. 1, pp. 106–114 (in Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2012-1-106-114>
12. Bailey L. E. Gender and education. *Review of Research in Education*, 2016, vol. 40, iss. 1, pp. 682–722. <https://doi.org/10.3102/0091732X16680193>
13. Carrington M., Tymms P., Merrell C. Role models, school improvement and the ‘gender gap’ – do men bring out the best in boys and women the best in girls? *British Educational Research Journal*, 2018, vol. 34, iss. 3, pp. 315–327. <https://doi.org/10.1080/01411920701532202>
14. Cao C., Duan H., NG L. L. The impact of gender inequality in higher education on female employment. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*, 2023, vol. 8, pp. 2355–2361. <https://doi.org/10.54097/ehss.v8i.4718>
15. Winner J. Gender equality in education and learning. *International Humanitarian Bulletin*, 2023, vol. 4, pp. 202–234.
16. Yang W. Gender perspective on education process quality. *Proceedings of the 3rd International Conference on Education, Culture and Social Development (ICECSD)*. Guilin, Guangxi (China), 2019, pp. 358–370. <https://doi.org/10.2991/icecsd-19.2019.46>
17. Varavva M. Yu. Emperor Nicholas I Orenburg women’s institute in the second half of the 19th – early 20th century. *Educational Studies Moscow*, 2020, no. 4, pp. 250–272 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-4-250-272>
18. Kosetchenkova E. A. Historical development of woman’s professional education in Russia in the second part of the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya of Altai State University Journal*, 2008, no. 4-3 (60), pp. 129–136 (in Russian). EDN: KXMQUD
19. Kosetchenkova E. A. Establishing female education system in Russia. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2008, no. 3, pp. 17–26 (in Russian). EDN: JTYBNX
20. Lubkov A. V., Litvinova I. V., Goncharov M. A. On the methodology of studying history of Moscow Guerrier Courses. *Science and School*, 2022, no. 3, pp. 57–70 (in Russian). <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-3-57-70>
21. Matrosov V. L. Classical and pedagogical university education: origins and traditions of interaction. *Moscow University Pedagogical Bulletin. Series 20*, 2009, no. 2, pp. 52–55 (in Russian). <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2009-2-52-55>
22. Shevchenko L. Ya., Nazarova S. V. The evolution of the education system of the Republic of Kazakhstan in the context of globalization. *Modern Higher School: Innovative Aspect*, 2012, no. 1, pp. 41–48 (in Russian). EDN: OYFZLF
23. Sadyrova M. S. Value preferences and adaption strategies of Russian and Kazakh university graduates to the modern labor market. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2022, no. 9, pp. 2–7 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.9>
24. Simonova A. A., Shvetsova A. V. Women’s international projects as a factor in the formation of gender culture of the university. *Bulletin of Kazakh National Women’s Teacher Training University*, 2019, no. 2, pp. 157–162 (in Russian).
25. Togaybayeva L. I., Vechkinzova YE. A., Baykenova D. Kh. Current Trends in Gender Equality in Employment and Poverty in Kazakhstan. *Russian Journal of Labor Economics*, 2020, vol. 7, no. 12, pp. 1202–1216 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/et.7.12.111424>

Поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 15.03.2023
The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication 15.03.2023